

Канва и вышивка.

27 января 2011 | Газета «Кузбасс»

Огни Кузбасса, № 5, 2010.

Открывается журнальная книжка поэмой Николая Дорожкина «Кавалергардский марш». Стихотворец родом из Мариинска, живет в подмосковном Королеве, кандидат технических наук, работает в Роскосмосе. Поэма излагает биографию русского дворянина Александра Эдельстрема, потомка плененного под Полтавою шведа. В 1917-м герой – недоучившийся кадет, в 1920-м – конник Буденного, затем преподаватель военно-морского училища, в 1938-м арестован, после войны освобожден, преподает языки сибирским школьникам, затем снова питерским курсантам. В общем, обыкновенная биография в необыкновенное время. Изложено все это разными размерами, то некрасовским анапестом, а то и ахматовским дольником:

Человеку – тринадцать лет,

Он вчера еще был кадет.

Был свободен от мыслей, что делать,

чем заняться сейчас и потом,

что читать, чем сегодня обедать,

чем согреть замерзающий дом.

Но в классические размеры шинельно-суконная канва биографии стойкого военморлингвиста далеко не всегда гладко укладывается. Следствие, лагерь и ссылка – предметы непоэтические; для их адекватного изображения требуется талант если не Данте, то Солженицына. Так что временами думаешь: отчего было не изложить всю историю в прозе, глядишь, и читателей у нее оказалось бы больше.

К поэме приложен реальный комментарий, который временами только запутывает дело. «Кавалергарды (конногвардейцы) — род войск, упраздненный в конце XIX в. Однако учащиеся пажеского корпуса (позже преобразованного в кадетский) по традиции называли себя кавалергардами». Вообще-то кавалергарды и конногвардейцы – разные полки русской тяжелой кавалерии, и традиции у них были разные. Офицеры-кавалергарды были аристократы, неутомимые танцоры на придворных балах, а конногвардейцы, по Юрию Лотману, отличались скорее скандальным поведением: им было свойственно ритуальное мужеложство, как гусарам – ритуальное пьянство.

В целом поэма Николая Дорожкина производит скорее приятное впечатление, хотя бы потому, что разнообразит круг авторов и привычных тем «Огней Кузбасса».

Владимир Мазаев дал в журнал маленькую повесть «Пещера». Открывается она аллегорической картиною: на Чуйском тракте вожак-баран увлекает овец в пропасть, и только героизм погонщика заставляет удержаться на ее краю всю отару.

Далее излагается история двух девушек, вовлеченных в христианскую секту радикального толка где-то в Средней Азии. Одна поднимает бунт и пропадает бесследно; другую определяют на жительство в пещеру, ухаживать за неким старцем, праведным до фанатизма. Старец Веникий изображен несколько схематично; женские образы, напротив, полнокровны и ярки, причем это касается не только двух несчастных девушек, но и игуменьи этого странного скита, отвратительной Миронии. Впрочем, это не удивительно: мотив пещеры плюс религиозный фанатизм дают в сумме известный комплекс именно женской религиозности. Он известен от древнегреческих мистерий до секты иннокентьевцев, появившейся сто лет назад на юге России. Эту ересь разделяли в основном женщины. Иннокентьевны жили и проводили свои радения в подземельях. «Любая ересь - это чудовищное преувеличение какого-то аспекта истины, — писал Мирча Элиаде. - В случае иннокентьевцев ересь заключается в чрезмерной экзальтации женского начала и в деградации смысла этого принципа».

Сам автор целиком на стороне жизни и здоровой чувственности и не скрывает своего отвращения к изуверским аскетическим практикам. Повесть по чистоте письма и незамысловатой аллегоричности несколько напоминает позднего Лескова.

Прокопьевский прозаик Анатолий Ярмолюк публикует большой рассказ «Вперед и дальше», с подзаголовком «Рассказ цыганского барона». Барон этот истинный поэт, и интонации у него почти бабелевские (что не удивительно — автор происходит с Западной Украины и успел пожить в Одессе). Эпизод из жизни несчастного табора изложен с эпическим размахом: отовсюду его гонят злые, корыстолюбивые и вероломные милицейские начальники. Нынче на Урале цыганские поселки жгут один за другим за торговлю наркотиками, при традиционном бездействии милиции, и осудить поджигателей тоже душа не поворачивается.

Между тем цыгане торговали зельем всегда, это их исконное занятие. Они ведут свое происхождение от кочевых каст средневековой Индии – дрессировщиков, факиров, музыкантов, попрошаек, торговцев наркотиками, бродячих кузнецов. В XI веке в Индию вторгся ислам, предки цыган поняли, что при мусульманах не забалуешь, и разбрелись по всей Евразии – только в Китае не прижились. При случае они преспокойно меняют и язык, и религию, но упорно держатся за кастовые занятия: например, когда в их стране проживания прекращается коневодство, они берутся за автосервис. Точно так же обстоит и с наркотиками; поэтому даже политкорректная Франция нынче цыган принудительно выселяет. В общем, корни подобных конфликтов лежат очень глубоко, уходя во тьму тысячелетий. Ярмолюк же предлагает читателю обычную романтическую коллизию: дикая вольница, роковая любовь и жестоковыйная власть. Рассказ неплохо написан, но если настоящий конфликт подменить оперными страстями, неизбежно получится оперное либретто.

В этом номере помещено и начало романа Юлии Лавряшиной «Темное эхо», но разговор о нем отложим до окончания публикации.

Среди публицистических материалов выделяется памфлет Гария Немченко с вычурным названием «Опять сам себе», или «Присосанцы». Бывший новокузнецчанин, а ныне московский литератор сетует, какую власть в Новокузнецкой писательской организации забрал ее почетный председатель Борис Рахманов, и старается показать ничтожность Рахманова как писателя и как человека. Как писатель Рахманов известен своими пародиями, точнее, стихотворными фельетонами в духе Александра Иванова; мне они всегда казались плоскими. Как у издателя у Рахманова есть определенные заслуги перед кузбасской культурой: основанное им издательство «Кузнецкая крепость» выпустило немало неплохих книжек, прежде всего краеведческих. Как человека я его плохо знаю, беседовать с ним довелось всего пару раз. В целом же вся эта история производит неприятное впечатление, но не удивляет. Кузбасские писатели, сколько я их помню, всегда грызутся как пауки в банке, сливаются, разделяются, делят власть; сказать бы «чума на оба ваши дома», да организаций у них не две, а четыре или пять, хотя не все имеют свои помещения.

Кемеровский учитель Вячеслав Елатов в пространной статье сетует, что нынче в литературной критике все сместилось и не осталось привычных критериев. Вот фигуру Ахматовой, например, вроде бы сравнительно недавно утвердили на пьедестале, но критик Дмитрий Быков уже заявляет, что «ее безмерно и многократно преувеличили, восторженно раздули, превратив в этический эталон, в Анну всея Руси». Правильно жалуется учитель: что бы ни говорили о воспитании у школьников самостоятельного мышления, но в школе главное – твердая иерархия ценностей, школа первым делом призвана вдолбить ученику национальный культурный код, который только и делает нас русскими, включая татар с мордвою, евреев и разных прочих шведов. Критик по-своему тоже прав, но его дело вторичное: изящно вышивать по канве можно, только если сама канва существует. Беда в том, что Быков пишет интересно, а Елатов – скучно...